

Стратегия-2035. Желаемое. Возможное. Достижимое

В статье рассмотрены основные идеи, положенные в основу проекта Стратегии научно-технологического развития России до 2035 г. Показана недостаточная обоснованность основных направлений ее реализации, на отсутствие связи с общими задачами модернизации страны. Формулируются первоочередные задачи, решение которых необходимо для повышения качества представленного документа.

Ключевые слова: модернизация, приоритеты научно-технологического развития, глобальные рынки, политическая организация экономического пространства.

А. Г. Фонов,
*д. э. н., профессор, зав. кафедрой
управления наукой и инновациями,
департамент государственного
и муниципального управления,
факультет социальных наук,
НИУ Высшая школа экономики
fonotov.ag@gmail.com*

Обнародование проекта Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 г. (далее — Проект) [1] приоткрыло широкой общественности особенности видения разработчиков этого документа инновационного развития страны в ближайшие десятилетия. Проект характеризуется достаточно масштабным взглядом на проблемы и задачи в этой сфере в обозримой перспективе. Его основу составили ряд оригинальных подходов к формированию программы действий с учетом новых фактов и явлений, обозначившихся и осмысленных к настоящему моменту. Так, отправной точкой разработки проекта послужила концепция больших вызовов, представляющих более общее понятие по отношению к ставшим уже традиционными для такого рода разработок приоритетами научно-технического и инновационного развития. Способы выявления таких больших вызовов и методы реакции на них государства и общества составляет основное содержание Проекта. В ограниченной по объему статье невозможно представить детальный разбор столь масштабного документа, каким, несомненно, является Проект. Поэтому ограничимся только отдельными замечаниями, имеющими по мнению автора, принципиальное значение.

Появление этого документа можно объяснить неудовлетворенностью ходом выполнения Стратегии инновационного развития Российской Федерации до 2020 г., принятой в 2011 г. [2]. Однако смена одного

стратегического документа на другой, оказавшимся в чем-то ущербным, предполагает выявление тех просчетов, которые привели предыдущую политику к неудаче, дабы избежать их повторения.

Инновации воспринимаются многими как универсальное средство решения современных задач, продемонстрировавшие в развитых странах свою результативность буквально во всех сферах общественного производства и общества в целом. При этом упускается из вида, что инновации являются порождением определенных социально-экономических и политических условий и только в этих самых условиях способны сработать с наибольшим эффектом. Поэтому, прежде чем разрабатывать инновационную политику, следовало бы внимательно отнестись к изучению современной ситуации, чтобы понять наше истинное место на кривой исторического развития и, определившись (образно говоря) с нашими координатами, исчислить траекторию перехода в целевую область, выбрав соответствующий инновационный инструментарий. Если точно не определено, откуда страна начинает свое историческое движение, то предсказать, где она окажется после выполнения намеченных планов и программ невозможно.

Исходные характеристики такого сложного объекта как социально-экономическая система конкретной страны чрезвычайно важны при планировании на любую перспективу. Так, рассматривая различные сценарии развития, авторы не учитывают необхо-

димось учета инерционности системы. Такие явно обозначившиеся к настоящему времени явления как социальный консерватизм, неготовность к преобразованиям, синдром страха перемен как следствие коллективной психологической травмы после событий 1990-х гг., свидетельствуют о шаткости социальной базы для проектируемых в стратегии институтов инновационного развития.

Огромное значение имеют демографические факторы. Старение населения приводит к росту степени консервативности общества. А ведь позитивное восприятие нового и готовность к переменам — непереносимое условие успеха реализации стратегии. Это только на первый взгляд может показаться, что объектом инновационной политики являются новые товары, рынки и технологии. В реальности все перемены замыкаются на человека и общество. Именно игнорирование учета сложнейших структурных переплетений социальной психологии советского общества породили после реформ 1980-1990-х гг. то состояние социума и страны, которое никто не предвидел, которое мы сегодня имеем и которое мало у кого вызывает чувство удовлетворения.

Кто-нибудь встречал хотя бы в одном из правительственных документов анализ социальных условий, от которых начинается расчет реализации очередного плана грандиозных преобразований, и тех социальных последствий, к которым эти преобразования могут привести? Где-нибудь существует хотя бы эскизное описание той модели государственного капитализма, которая сложилась в России к настоящему времени? Без этого все стратегии превращаются в абстрактные игрушки, в бесконечные пазлы из кластеров, технопарков, дорожных карт и прочих виньеток, которые украшают идейную близорукость властителей инновационных дум.

В представленном документе ответы на эти вопросы отсутствуют, после чего весь текст превращается в набор высоких дум и стремлений, которые ждет такая же судьба, как и Стратегию-2020.

Впрочем, в материале упоминается об опыте последнего десятилетия, именуемого этапом перехода к развитию науки, технологий и инноваций в качестве одного из главных инструментов инновационного развития России (2007 – н. в.). В этот период был принят ряд нормативных и программных документов, с четкой ориентации на инновационное развитие и технологическую модернизацию России. Однако приводя примеры удачных решений и практик в этой области, разработчики Проекта почему-то не упоминают в ряду начинаний создание ФАНО и реформу РАН, формирование многочисленных технологических платформ, не оправдавшие ожиданий открытые экономические зоны, одной из основных задач которых было привлечение инвестиций в высокотехнологические производства и т. п.

Тем не менее, остается фактом то, что несмотря на упорно и последовательно проводимую политику на оживление инновационной активности в стране, когда организационные, управленческие и административные инструменты и механизмы сменяют друг друга, не успев сработать и проявить себя в полной мере, Стратегия-2020 не выполняется, инноваци-

онная активность не растет, а реформы в научно-инновационной сфере превратились в реформы ради реформ. Даже рост финансирования исследований, разработок и инновационной инфраструктуры не привел к автоматической реализации инновационного сценария развития Российской Федерации.

Главное, что обращает на себя внимание — это отсутствие общего контекста, в котором должен реализовываться Проект. Из-за этого создается неверное впечатление о всеохватности инновационной политики. В действительности речь идет о поиске наиболее адекватных и эффективных инструментов модернизации страны, в процессе которой инновации имеют свое строго обозначенное место. В этой связи ключевой вопрос любого современного этапа развития страны состоит не в инициации и активизации инновационной деятельности, а в том — каковы методы, формы и ресурсы модернизации. Эта первоочередная проблема в последние четверть века.

В Проекте справедливо исходят из того, что функционирование современной рыночной экономики обеспечивается развитой институциональной системой, благоприятной для конкуренции, в процессе которой инновации становятся эффективнейшим инструментом для завоевания и удержания рыночных позиций [1]. Ее становление требует определенных социально-экономических и политических условий и, как показывает опыт развитых стран, охватывает исторически значимые периоды времени.

Согласно институциональной теории, отсутствие или незрелость современной системы рыночных институтов препятствует процессу модернизации. Проблема в том, как эти институты создать. Становление системы рыночных институтов предполагает наличие определенных социальных и хозяйственно-политических условий, в которых интересы и потребности сформировавшихся новых акторов рыночной экономики способны оказывать значимое влияние на развитие государства и общества. На определенном этапе количество этих новых акторов достигает критической массы и их потребности и интересы уже не могут игнорироваться, материализуясь в системе рыночных институтов.

Попытки насадить систему таких институтов заблаговременно, до созревания необходимой среды, бессмысленны, ибо система регулирования или управления не может существовать без объекта управления или вне его. В тех же случаях, когда она все же создавалась вопреки объективным условиям, ее работа сводилась к бюрократическому администрированию и скорее препятствовала развитию рыночных начал без значимых достижений для развития общественного производства. Номинально институциональная система существовала, но будучи учрежденной сверху, директивно, а не в ответ на потребности развития, т. е., по сути, внедренная в чужеродную среду, эти институты не могли нормально функционировать. Для нашей квазирыночной экономики их функции выглядели как дисфункции. В то же время, в стране отсутствовали политические и социальные силы, нуждавшиеся в становлении таких институтов, а существовавшие социальные силы в учреждении и здоровом функцио-

нировании таких институтов не были заинтересованы. Теперь же, когда такие силы появились, эти институты настолько переродились в бюрократические сервилы для власти учреждения, что не могут возродиться и начать выполнять те самые функции, для которых первоначально были созданы. Следовательно, институциональные изменения не предшествуют процессу роста, а скорее сопутствуют ему [3].

Итак, что мы имели в первом подходе к модернизации в нулевые годы XXI-го века? Мы имели средства на ее проведение — доходы от ресурсной ренты, сносный бизнес-климат с постоянно корректируемой работой государственных и рыночных институтов, сравнительно современные технологии, приобретаемые на часть доходов от ренты и прямые зарубежные инвестиции в инновационные проекты в отдельных сферах общественного производства. Этот список можно продолжить, но не это главное. Поскольку значительная часть ренты была потрачена на рост доходов и имиджевые мегапроекты, то модернизация у нас протекала очень вяло, особенно на фоне таких стран, как Китай и Индия (доля накопления в ВВП у нас в лучшие годы была в два раза ниже, чем в Китае). А сегодня вслед за ними выстраиваются уже и страны Африки во главе с ЮАР [4], о модернизации которых еще несколько лет назад не задумывались даже фантасты.

Можно не сомневаться, что историки ближайшего будущего достаточно критически определят современную внешнюю и внутреннюю политику России, которая после достаточно уверенного вхождения в систему глобальных рынков и мирового распределения труда, имея прекрасные перспективы развития и роста, стала на путь сползания к автаркии и изоляционизму. В результате подобной метаморфозы Россия попала в модернизационную когорту стран, которые вступили на путь современного развития намного позже нас и которые еще недавно относились к нам как к одному из лидеров мирового развития. Является ли эта новая ситуация вызовом. Безусловно. И этот рукотворный вызов нуждается в специальных мерах преодоления связанных с ним проблем. Но в Проекте о специфике современной ситуации нет ни слова. Вместо этого общие декларации, скрывающие уровень и масштаб надвигающихся проблем.

В Проекте прямо подчеркивается, что затраты на исследования и разработки и их коммерциализацию превратились к настоящему времени в важнейшую составляющую производственных издержек. Между объемами финансирования инноваций и конкурентоспособностью продукции и организаций существует достаточно четкая и определенная зависимость. Однако масштабы финансирования инноваций имеют свои естественные пределы.

Совершенно очевидно, что ни одна страна, даже такая мощная как США, не способна охватить все направления научно-технической деятельности и обеспечить коммерциализацию всех полученных знаний за счет их воплощения в товарах и услугах. По данным последнего доклада ЮНЕСКО из суммарных общемировых валовых внутренних расходов на научные исследования и опытно-конструкторские разработки 28% приходится на США. За ними следует Китай

(20%), обогнавший к настоящему времени Европейский союз (19%), и Япония (10%). На остальной мир, составляющий 67% мирового населения, приходится лишь 23% расходов на НИОКР. Среди стран БРИКС вслед за Китаем наиболее высокие темпы роста расходов на НИОКР имеют Бразилия, и Индия [5].

В абсолютных показателях расходы на НИОКР за период 2007-2013 гг. выросли в мире на 31%. В 2013 г. они составили \$1,478 млрд, по сравнению с \$1,132 млрд в 2007 г., т. е. росли быстрее, чем мировой валовой внутренний продукт за тот же период (20%) [5].

В России затраты на науку в текущих ценах выросли за тот же период в два раза, однако в постоянных ценах этот рост составляет всего 12,4% [6]. То есть, Россия не столько должна расширять горизонт научно-технического поиска, сколько должна сосредоточиться на тех направлениях, по которым вероятность успеха при наличной ресурсной и кадровой базе может быть максимизирована. Но насколько эта база способна обеспечить предлагаемые в Проекте направления научно-технологического развития судить по тексту невозможно.

Масштабные инновации, как правило, ориентированы на глобальный рынок. В отсутствии возможностей выхода на такой рынок время их окупаемости делает вложения в них не только неэффективными, но просто убыточными. Показательно, что продукция всех международных корпораций — лидеров инновационного процесса — ориентирована на глобальные рынки.

Рост объемов сбыта такой продукции обеспечивает не только быструю окупаемость, но и позволяет увеличивать расходы на НИОКР для постоянного совершенствования продукции и обновления ее номенклатуры. Этот процесс с определенного момента превращается в самовоспроизводящийся в расширяющемся масштабе. Он достаточно хорошо изучен и не нуждается в дополнительных комментариях.

Например, в 2015 г. компания Apple, продав 47,534 млн смартфонов iPhone, 10,931 млн планшетов iPad и 4,796 млн компьютеров Mac, заработала почти \$234 млрд, что на 28% выше результатов предыдущего года [7]. Рекордные показатели, создавая основу для дальнейшего инновационного прогресса, позитивно повлияли на рост прибыли на акцию (этот показатель вырос на 38%).

Если сравнить доходы Apple с доходами федерального бюджета России, то в соответствии с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2015 г. и на плановый период 2016 и 2017 гг.» ожидается, что в 2015 г. российская казна заработает 12,54 трлн руб., т. е., примерно \$194,7 млрд по текущему курсу.

Этот пример показывает масштабы производственной деятельности, необходимой для реализации конкурентоспособной инновационной политики. В этой связи содержащаяся в Проекте установка на научно-технологическое лидерство с ориентацией на новую экономику [1] нуждается в более серьезном обосновании. Лидерство возможно, но при условии сужения перечня научно-технических приоритетов и выделения из него группы, по которой сохранение передовых позиций в научно-технической и иннова-

ционной сферах представляется наиболее реалистичным с точки зрения доступных эффективных затрат и перспектив получения ожидаемых результатов и их коммерциализации. Без обеспечения доходности инновационной деятельности она будет не столько инструментом модернизации сколько ее обузой.

Расчеты показывают [8], что для коренной технологической модернизации основных отраслей народного хозяйства страны требуются дополнительные ежегодные инвестиции в размере не менее 2 трлн руб. (по условиям 2013 г., когда общие инвестиции в основной капитал страны составили 13,2 трлн руб.). Где взять эти дополнительные средства в условиях закрытия для российского бизнеса основных мировых рынков капитала? Без ответа на этот вопрос амбициозные цели Проекта повисают в воздухе.

Коль скоро современные инновации могут быть реальным двигателем поступательного развития национальной экономики только тогда, когда они тесно связаны с глобальным рынком, роль государства во взаимодействии национальных бизнес-структур с глобальным рынком и с организациями его контролирующими становится для модернизирующейся страны особенно важной.

В работах [9-12] показано, что развитие капитализма за последние пятьсот лет в решающей степени определялось «формированием политических структур, наделенных... широкими и сложными организационными возможностями для контроля над социальной и политической средой накопления капитала в мировом масштабе» [11]. Возможности выхода на соответствующие рынки и использование открывающихся в этой связи перспектив получения добавочных прибылей определяются далеко не только финансово-экономическими показателями деятельности национальных хозяйственных систем.

В этой связи расчет на то, что экономически эффективная коммерциализация некоего изобретения сама по себе достаточна для создания принципиально нового рынка или формирования рыночной ниши, в рамках которых фирма – представитель определенной страны легко займет свое место и обеспечит получение сверхдоходов (своеобразной риск-премии), является чрезмерно оптимистичным. Свободный рынок является свободным только для тех участников рынка, которые оказались допущенными на него [13, 14].

Система подобного допуска в современном мире достаточно сложна и многоступенчата. Прежде всего, она определяется позицией ведущей экономической и военно-политической державы мира – США, на долю которой приходится около 40% мирового рынка и при этом около 80% мировых расчетов осуществляется в долларах США.

Кроме того, важную роль играет группа ведущих стран G7. Принимаемые этим пулом решения транслируются, тракуются, дополняются, видоизменяются и конкретизируются многочисленными международными организациями и союзами, такими как ВТО, Всемирный банк, OECD, Европейская комиссия, различными региональными объединениями наподобие Евросоюза, АСЕАН и т. п.

Влияние на экономические процессы вышеназванных неэкономических факторов, безусловно, имеет свои рациональные пределы. Но в определенные периоды времени их воздействие на экономику оказывается сильнее любых прочих критериев эффективности, учитываемых при оценке тех или иных вариантов развития событий. Исторический опыт показывает, что приобретение подобных «организационных возможностей» было в большей степени результатом позиционных преимуществ в меняющемся пространственном устройстве капиталистического мира – экономики, чем инноваций как таковых», – пишет Дж. Арриги со ссылкой на Ф. Броделя [12].

Однако Ф. Бродель в этой связи еще более категоричен, утверждая, что инновации вообще не играли никакой роли в последовательной пространственной смене центра системных процессов накопления, имея в виду поочередное перемещение мировых экономических центров мира в последние пять столетий от Венеции, через Амстердам и Лондон в США [12].

Говоря про инновации, и М. Вебер, и Ф. Бродель, и Дж. Арриги неявно полемизируют с К. Марксом, для которого инновации определялись прогрессом производительных сил. Это – прогресс как бы в очищенном виде. В реальности появление нового действующего игрока на поле прогресса должно быть санкционировано группой ведущих старых игроков, после проверки возможностей, намерений и ценностной диспозиции новичка, дабы не разрушить действующую мировую экономическую (и политическую) систему. Именно для этого его характеристики пропускаются через сито действующих формальных и неформальных институциональных структур и по результатам оценки выносятся окончательный вердикт [13].

Ставшими уже классическими примеры Германии и Японии, преодолевшими послевоенную разруху и уверенно вошедшими в когорту развитых стран, объясняются не только продуманной политикой их национальных элит, но, в не меньшей (если не в большей) мере допуском на рынки продукции, включая высокотехнологичную, контролируемые США и Великобританией. Фактически в результате своего поражения Германия и Япония получили под патронатом США, пусть в урезанном и дозированном виде, то, из-за чего они начали войну – допуск на самые высокодоходные и перспективные рынки, хотя и не смогли добиться господствующего положения на этих рынках.

Точно также Тайвань, Гонконг, Сингапур, Южная Корея и ряд других стран при выполнении определенных, в первую очередь, политических условий, реализация которых способствовала (как одно из следствий) результативности инновационной политики, смогли интегрироваться в систему высокодоходных рынков. Выход на подобные рынки сразу обеспечивал соответствующей стране рост всех значимых экономических и социальных показателей развития, включая такой важнейший как производительность труда.

В нашей литературе по старинке показатель производительности труда часто связывают с интенсификацией производственного процесса, новейшим

оборудованием, совершенствованием системы управления производством и пр. В реальности, не меньшее, если не большее, значение имеет специфика рынков, на которые ориентируется общественное производство конкретной страны и которые детерминируют через экономические регуляторы совокупность факторов, влияющих на показатели производительности труда.

Можно представить гипотетическую ситуацию, когда выход на новый высокодоходный рынок способен повлиять на показатели производительности труда гораздо больше, чем любые инвестиции в новейшее оборудование.

Еще один вариант повышения производительности труда связан с отказом от производства продукции внутри страны, импорт которой дешевле собственного производства, и расширение производства с выводом на внешние рынки продукции, которая производится внутри страны эффективнее, чем в среднем ее аналоги на мировом рынке.

Однако Россию и ее национальных производителей ждет иная перспектива, которую не пытаются обсуждать авторы Проекта: сейчас происходит вынужденное переключение ресурсных потоков на производство продукции внутри страны с показателями эффективности ниже среднемировых. Очевидно, что неизбирательное импортозамещение, когда отсутствует селекция по критериям эффективности замещаемой продукции и ресурсы используются для выпуска товаров и услуг, производимых за рубежом более эффективно, вызывает неизбежное снижение совокупной производительности труда, темпов роста и других показателей эффективности производства.

В рассматриваемом Проекте, пусть и не в акцентированном виде, имеет место точка зрения, согласно которой нарастающие автаркические тенденции и вынужденная политика импортозамещения и есть начало истинного процесса диверсификации экономики и производства и, в целом, — модернизации страны.

При этом не учитываются следующие факторы.

- самостоятельное воспроизведение новейших технологий требует отвлечения значительных ресурсов с неопределенным и, в любом случае, отложенным эффектом. А пока мы будем открывать уже освоенное другими, мировые лидеры уйдут в еще больший отрыв от нас;
- даже если технология будет воспроизведена, то окупиться в полной мере она способна только при выводе соответствующей продукции на глобальный рынок. Но там она столкнется со своими более ранними и, потому, более продвинутыми аналогами. Опять же, велик риск неудачи, а масштабная, окупающая издержки и приносящая прибыль удача в такой ситуации проблематична;
- если в процессе импортозамещения не удастся воспроизвести продукцию с показателями эффективности производства на среднемировом уровне, то это будет означать неэффективное использование факторов производства, растрату производственных ресурсов и нарастающее отставание от лидеров инновационной гонки.

Следовательно, слепое импортозамещение без должной селекции того, что производить самим, а что эффективнее и рачительнее покупать на мировом рынке эквивалентно уменьшению ресурсов общества на величину, равную разнице в цене массы товаров, приобретенных за рубежом, и цене функционально однородных товаров, произведенных в рамках политики (или программы) импортозамещения умноженной на коэффициент качества.

Хороший пример в свете сказанного демонстрируют США: они пришли к выводу, что вместо того, чтобы разрабатывать новый ракетный двигатель для их программы космических запусков, дешевле, быстрее и надежнее купить его в России (речь идет о ракетном двигателе РД-190). Причем США даже в условиях политики санкций не отказались от его закупки.

Другими словами, если, начиная с какого-то момента, страна переходит к политике автаркии, то она сразу оказывается отброшенной в своем развитии в прошлое, поскольку эта самая автаркия приводит к уменьшению ее производительности и сжатию ВВП. Очевидно, что в сегодняшнем падении производства, отрицательных темпах роста этот фактор играет весьма существенную роль.

В Проекте ничего не говорится о возможных вариантах подхода к решению указанных проблем. Предлагаемые сценарии слишком схематичны и на ожидаемое развитие событий ясного ответа не дают. Хотя можно было бы дать возможные пути повышения технологического уровня производства с постепенным переходом к высокотехнологичному производству.

Например, страна наращивает производство зерна и на часть выручки от его продажи покупает комбайны. Использование прогрессивной техники и рост доходов позволяет увеличить доходы от сельхозпроизводства и направить инвестиции на приобретения оборудования и компетенций для начала производства новейшей сельхозтехники в стране. В дальнейшем рядом с новым производством возникает научно-техническая база по развитию прогрессивных технологий сельхозмашиностроения.

Экономика России несопоставима по масштабам, номенклатуре продукции, а тем более, по роли в мировой экономике, с СССР. Трезво оценивая реальные возможности и перспективы национального хозяйства, нам приходится интегрироваться в существующие мировые рынки, выполняя предъявляемые к нам требования (например, требования ВТО).

Заметим, что все экономики, перешедшие в ряд к квазиразвитых, прошли путь, образно говоря, «врастания» в рынки развитых стран и «вырастания» из них. Эти экономики смогли стать на первых порах частью некоторого локального рынка развитых стран — прежде всего США и ЕС. Согласившись «играть» по правилам признанных экономических лидеров и заручившись доверием деловых и политических кругов этих стран (наступив, тем самым, на горло собственным национальным амбициям), Китай, Тайвань, Гонконг, Сингапур и др. были допущены сначала на рынки примитивной продукции, а позже, доказав свою надежность, политическую лояльность (в случае с Китаем — отказ от политики

конфронтации), верность обязательствам и формальным и неформальным требованиям ведения бизнеса и политики, смогли вырасти в значимых действующих акторов на этих рынках.

Стратегия России, несмотря на свою узость из-за сосредоточенности на энергоресурсах, в целом была правильной, обеспечивая вращение в мировой энергетический рынок с перспективами занятия ведущих позиций на нем. Однако далеко не завершив этот процесс, Россия попыталась диктовать свои условия странам-лидерам. Это особенно наглядно проявилось в разногласиях с ЕС относительно выполнения требований третьего энергопакета Европейской энергетической хартии.

Если сформировавшиеся в 2014 г. тренды не будут изменены, то России придется или самостоятельно переоткрывать достижения мировых технологических лидеров, либо получать доступ к новейшим технологиям, например, через страны БРИКС, или другие, еще менее доступные каналы и, значит, во вторую очередь после них и в третью — после развитых стран. Если подобная перспектива станет реальностью, то догоняющая модернизация превратится в модернизацию с нарастающим отставанием.

Итак, мы видим, что политическая организация экономического пространства, о которой словно не подозревают авторы Проекта, в современных условиях является весьма значимым фактором модернизации. Следовательно, вектор последней должен определяться оценкой потенциальных рынков по критериям благоприятности для российского бизнеса. В свою очередь, процесс формирования инновационной стратегии должен быть тесно увязан с планами российской экспансии на конкретных рынках и подстраиваться под эти планы.

Сказанное позволяет сделать несколько рекомендаций, которые могут быть учтены при доработке Проекта.

Во-первых, необходима ревизия приоритетов научно-технического и инновационного развития (НТИР) страны. Они должны не только содержать предметное описание целей, включать материальное их воплощение в конкретных товарах и услугах, но и увязываться с потенциальными рынками, на которые должны ориентироваться организации бизнеса.

Во-вторых, именно в рамках отобранных стратегий выхода на конкретный рынок следует формировать инновационную инфраструктуру, которая должна быть целеориентированной вдвойне, направленной не только на выпуск инновационной продукции, но и на вывод продукта на конкретный рынок. На стадии целеполагания следует решать:

- 1) какие и в каком объеме нужны (и нужны ли вообще, если дешевле, надежнее и проще приобрести все необходимое за рубежом) научные лаборатории, инжиниринговые фирмы, технопарки, бизнес-инкубаторы и пр.;
- 2) содействие каких институтов развития необходимо для успеха конкретного бизнеса;
- 3) какие формы частно-государственного партнерства наиболее подходят для решения поставленных задач;

- 4) отсутствие каких экономических стимулов и регуляторов препятствует достижению конечных целей и т. д.

Очевидно, что сформированная в рамках такого подхода инфраструктура может стать стартовой площадкой для целой серии нововведений, ускоряя доведение до потребителя соответствующей продукции. Более того, формирование национальной инновационной системы (НИС) начнет осуществляться снизу — от задач коммерциализации результатов конкретных разработок, т. е. естественным путем. В дальнейшем накопление подобных элементов инновационной инфраструктуры, их практическая селекция, объединение, взаимодействие и развитие в ходе решения новых, более сложных задач послужат формированию работоспособной и эффективной НИС.

В-третьих, задачей ближайшего этапа является перенос центра тяжести с поддержки институтами развития ранних стадий инновационной деятельности и российских прикладных разработок на поддержку инвестиций в технологическое заимствование. «... Масштабные инвестиции нужны, в первую очередь, для реиндустриализации, обеспечивающей выполнение уже объявленных программ модернизационного характера» [8].

Переживаемый в настоящее время этап модернизации производства, экономики и всего российского общества должен сконцентрироваться на освоении передовых технологий, методов и форм работы с современными практиками функционирования производства и общества. Целью должно быть не столько собственное инновационное творчество (всегда сопряженное с опасным усугублением нашего отставания, риском потерь и утрат, непозволительных в условиях геополитической гонки), сколько получение скорейшего доступа к лучшим мировым образцам, их усвоение и освоение. Только достигнув уровня технологического развития передовых стран и завоевав собственные устойчивые позиции в международном инновационном разделении труда, можно будет развернуть в полном масштабе научно-техническую деятельность, ориентированную на естественно сложившиеся приоритеты в процессе борьбы на конкурентных рынках. Но чтобы быть готовым к этой будущей ситуации необходимо поддерживать высокий уровень фундаментальных исследований.

Фактически эта стратегия уже реализуется. Трудно назвать хотя бы один крупный успешный инновационный и инвестиционный проект, который бы реализовывался без участия зарубежных технологий, ноу-хау, иностранных специалистов и без участия международных капиталов.

В-четвертых, «пробуксовка» инновационной политики связана с ошибками в выборе форм и методов поддержки инновационной деятельности. Обладая по современным меркам огромным научно-исследовательским потенциалом, российские власти уже четверть века не могут добиться его результативного и эффективного включения в производственные цепочки для выпуска современной наукоемкой и высокотехнологичной продукции. Российские институты

развития действуют методом проб и ошибок, пытаются нащупать вектор модернизации. Отсутствие значимых результатов пытаются компенсировать постоянным обращением к новым формам поддержки инноваций, создавая и поддерживая иллюзии, что введение в оборот методов открытых инноваций, дорожных карт, форсайта, краудсорсинга и т. п. вот-вот сдвинет с мертвой точки нашу застывшую инновационную политику.

На самом деле, стоит задуматься, насколько адекватны все эти хорошо зарекомендовавшие себя в условиях совершенно другой социально-экономической реальности формы и методы к реалиям российской переходной экономики, характеризующейся отсутствием, незрелостью или неработоспособностью ряда важнейших институциональных структур.

Отсутствие ясного понимания современных задач, форм, методов и возможностей достижения целей политики модернизации наглядно проявилось в попытке мобилизации потенциала академической науки путем учреждения Федерального агентства научных организаций (ФАНО). Единственная внятно озвученная причина создания этой бюрократической надстройки заключалась будто бы в наведении порядка в использовании академического имущества. При этом никаких конкретных и осмысленных целей реформа РАН не сформулировала. Авторство этой реформы до сих пор неизвестно (все потенциальные ее творцы категорически отрекаются от какого бы то ни было отношения к ней). Нельзя же серьезно в качестве целей работы РАН считать нормативы по числу публикаций на одного работающего, индексы цитирования, количество публикаций в иностранных журналах и пр. Все подобные критерии призваны оценивать деятельность ученых и научных организаций в процессе реализации конкретных исследовательских целей и задач. Но как раз подобные задачи перед РАН до сих пор никто не поставил. В этой реформе давно отбракованные принципы получили новое воплощение: «движение — все, цель — ничто»; «средства оправдывают цель»; «неважно, что и зачем, важно только как».

Представляется, что реформу РАН можно было осуществить неформально и в более современном ключе. Основой ее можно было бы считать реализацию следующих основных требований:

- а) необходимо быстро, эффективно и максимально выгодно использовать передовые разработки, имеющиеся в институтах РАН;
- б) учитывая особенности современного этапа развития общественного производства, необходимо добиться установления прямых связей между институтами РАН и ведущими российскими промышленными и производственными организациями;
- в) для установления таких связей достаточно использовать хорошо зарекомендовавшую себя в мировой практике форму научно-производственного консорциума, не требующую никаких законодательных новаций.

И отечественный, и зарубежный опыт свидетельствует, что подобные взаимодействия при

надлежащей организации могут быть чрезвычайно продуктивны.

В развитых странах дано уже действует форма объединения производственных и научных структур в виде научно-производственного консорциума. Аналогичный опыт был накоплен в СССР, где достаточно успешно работали научно-производственные объединения (НПО) и межотраслевые научно-технические комплексы (МНТК). Речь ни в коем случае не идет о возвращении к старым методам соединения науки и производства по советским лекалам. Консорциум по самой своей природе отличается от жесткой структуры двух вышеназванных советских типов объединений.

Создаваемые под широкопрофильную, масштабную и приоритетную для страны научно-техническую проблему (жилищную, транспортную, энергетическую, демографическую и пр.) консорциумы должны стать осевыми структурами при разработке государственных целевых программ и базовыми организациями в рамках государственно-частного партнерства.

В-пятых, любая долгосрочная политика научно-технического и инновационного развития должна содержать промежуточные ориентиры, набор специфических мер, обеспечивающих приближение или достижение к поставленным ориентирам. При наличии необходимых социально-политических и хозяйственных реформ реальный срок проведения модернизации производственного аппарата страны может уложиться в 10-15 лет при условии возобновления широких экономических и научно-технических связей с развитыми странами. В противном случае разрыв в научно-техническом и технологическом уровне между Россией, развитыми странами и странами, начавшими процесс комплексной модернизации на рубеже XX и XXI веков, будет увеличиваться. Решить все задачи модернизации самостоятельно с учетом сегодняшнего и прогнозируемого состояния страны, Россия не может ни в силу ресурсных ограничений, ни в силу дефицита требуемых знаний и компетенций.

В-шестых, любые инновационные проекты, рассматриваемые институтами развития (ВЭБом, Фондом развития промышленности и т. д.), должны ориентироваться на один из перспективных рынков. Необходимо составить перечень перспективных рынков (с точки зрения потенциала отечественной науки, экономики и производственных возможностей), определяющий приоритетность соответствующих проектов. Этот перечень должен быть открытым, отражая изменение конъюнктуры и высокую динамику направлений инновационной деятельности.

Проекты, связанные с производством инновационной продукции и ориентированные на внешние рынки должны в обязательном порядке содержать программы вывода продукции на мировой рынок.

Фундаментальные источники и стимулы развития отечественной экономики находятся в нашей стране, а не за рубежом. Их полноценное и эффективное использование зависит от качества решения накопившихся социально-экономических и политических проблем.

Список использованных источников

1. Проект Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 г.
2. Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 2227-р от 08.12.2011 г.).
3. Р. Г. Раджан. Линии разлома. М.: Издательство института Гайдара, 2013.
4. М. Спенс. Следующая конвергенция. М.: Издательство института Гайдара, 2012.
5. 2013. UNESCO Science Report, Towards 2030. <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235406e.pdf>.
6. Индикаторы науки: 2015. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2015.
7. <http://appleinsider.ru/iphone/apple-otchitalas-pered-investoramivremya-novyx-rekordov.html>.
8. А. Г. Аганбегян, В. В. Ивантер. Текущая экономическая ситуация в России: траектория развития и экономическая политика// Деньги и кредит. № 4, 2014.
9. М. Вебер. История хозяйства. Город. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
10. И. Валлерстайн. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: «Университетская книга», 2001.
11. Дж. Арриги. Долгий двадцатый век. М.: ИД Территория будущего, 2006.
12. Ф. Бродель. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993.
13. Н. Флигстин. Архитектура рынков: Экономическая социология капиталистических обществ XXI века. М: НИУ ВШЭ, 2013.
14. А. Фонов. Стратегические ориентиры инновационной политики//Проблемы прогнозирования, № 5, 2015.

Strategy-2035. Desirable. Possible. achievable

A. G. Fonotov, Doctor of Economics, professor, Head of department, Higher School of Economics, Faculty of Social Sciences, the Department of State and Municipal Administration, Department of Science and Innovation Management.

The article discusses the basic ideas underlying the Draft Scientific and Technological Development Strategy of Russia until 2035. It is shown that the lack of validity of the basic directions of its implementation, the lack of communication with the general tasks of modernizing the country. Formulated the priority tasks that you need to improve the quality of the document.

Keywords: modernization, priority scientific and technological development, global markets, the political organization of economic space.

Открыта аккредитация на II Восточный экономический форум

II Восточный экономический форум пройдет во Владивостоке со 2 по 3 сентября 2016 г. на площадке Дальневосточного федерального университета, расположенного на острове Русский. В ходе ежегодного форума будет представлен целый пул перспективных российских и зарубежных инвестпроектов, пригодных для практической реализации. Авторы проектов выступят перед потенциальными инвесторами с подробными презентациями, содержащими экономические обоснования, необходимые для принятия решений.

Обращаем ваше внимание, что регистрация представителей СМИ на Восточный экономический форум 2016 года уже открыта и продлится до 11 августа 2016 г.

Для максимально комфортной работы и обеспечения быстрого доступа ко всем необходимым ресурсам число представителей СМИ, которые могут принять участие в Форуме, ограничено.

С положениями о регистрации СМИ на мероприятие можно ознакомиться, перейдя по ссылке: <https://forumvostok.ru/smi/registratsiya-predstavitelej-smi>.

Для освещения мероприятий Восточного экономического форума 2016 года на площадке Форума создан Международный вещательный центр (МВЦ), расположенный в Корпусе D, уровень 7, ДВФУ.

С инфраструктурой мероприятия можно ознакомиться по ссылке: <https://forumvostok.ru/smi/press-sentr>.

По всем вопросам заказа рабочих мест в МВЦ, мест для передвижных станций спутниковой связи, перегонов видеоматериалов из МВЦ, а также за копией видеоархива мероприятия теле- и радиоккомпаниям необходимо обращаться в телекомпанию ВГТРК к первому заместителю руководителя производственно-технологического департамента Леониду Михайловичу Таубе или главному специалисту дирекции телекоммуникаций и связи Валерию Александровичу Череднику.

Контактная информация

1. По вопросам регистрации СМИ и за дополнительной информацией вы можете обратиться в отдел по работе со СМИ Восточного экономического форума 2016: тел./факс: +7 (812) 406 77 09; e-mail: media@forumvostok.ru.
2. Контактное лицо по вопросам аккредитации телекомпаний и проезда на Центральную площадку проведения ВЭФ: заместитель руководителя отдела по работе со СМИ Илья Алексеевич Шнайдер, тел.: +7 (911) 156 65 13; e-mail: ilya.shnaider@roscongress.org.
3. Контактные данные для заказа рабочих мест в МВЦ: Л. М. Таубе – e-mail: ltaube@vgtrk.com; В. А. Чередник – e-mail: vcherednik@vgtrk.com.